

ВАЛЕРИЙ КАЗАКОВ

ЯКОРЬ

РАССКАЗ

Степан Ильич Перекаатов, житель села Христофорова, после обеда пошёл к реке собирать ежевику, запнулся за что-то твёрдое, упал и увидел перед собой огромную якорную цепь. Одним концом эта цепь крепилась к якорю, массивное тело которого наискось уходило в речной песок, а другим — погружалась в воду небольшого залива как раз напротив острова, на котором всегда стояла его деревня.

Степан Ильич никогда не промышлял сбором металла и не чувствовал к этому тяги, но в последнее время жизнь стала складываться так, что денег постоянно не хватало, и поэтому любая возможность подзаработать представлялась ему последним шансом поправить дела...

И всё же какое-то время Степан Ильич стоял возле якоря и раздумывал: как ему поступить? Бежать в село за ножовкой по железу или сначала набрать ведро ежевики, возвратиться домой, а потом уже решать вопрос с якорем? Станным казалось и то, что раньше никто об этом якоря не знал, никто о нём не говорил. Хотя сбором металла сейчас занимались многие, особенно после того как колхоз в их селе развалился.

Собирая ежевику в пластиковое ведро, Степан Ильич то и дело поглядывал на массивную корабельную снасть. По виду в якоря было не меньше тонны чистого железа. Да в отрезке цепи, что уходила от якоря в воду, — килограммов триста-четыреста. Это получается тонны полторы. Да умножить на пять... Таких больших денег Степан Ильич давно не видел и не получал.

КАЗАКОВ Валерий Николаевич родился в 1955 году в Уржумском районе Кировской области. Автор нескольких прозаических книг. Член Союза писателей России. Живёт в Кирове.

В общем, в тот день, собирая ежевику в кустах у реки, Степан Ильич уже ощущал себя богатым, уже прикидывал, куда можно будет потратить те деньги, которые он получит за неожиданную находку.

Когда он рассказал о находке жене, та радостно затараторила:

— Если всё получится, как ты говоришь, в первую очередь надо будет за электричество уплатить, за воду и дров купить на зиму три телеги.

— И к моему мотоциклу аккумулятор, — добавил муж.

— Вот-вот. И сахару ещё мешок, чтобы ягоды не сушить, не маяться. Чтобы варенья детям наварить.

— Тогда надо будет за цепь хорошенько потянуть. Кто его знает, может, она там, дальше-то, страшно длинная. Метров сто или двести.

— И потянем. А то у меня зимнее пальто всё выносилось. Хожу как от-рехолок.

К вечеру было окончательно решено, что цепь пилить надо, и нечего тут раздумывать. Люди крутом лес воруют, рыбу мешками прут и волокут, а они о какой-то ненужной железяке славутничают целый день: при деле она или просто так валяется. Да другие-то люди на их месте всё бы решили в один момент. Пригнали бы трактор и выдрали этот якорь вместе с потрохами к чёртовой матери! А сборщикам металла сейчас только позвони — они вмиг примчатся, разрежут металл на куски, в машину погрузят и деньги отдадут...

Пилить якорную цепь решили на следующий день с утра. Спустились к реке после завтрака, когда солнце высушило росу, вырубил вокруг якоря густые ивовые кусты, пахнущие речными водорослями, очистили цепь от песка и приступили к работе. Железо поддавалось ножовке с трудом. Работа шла медленно, но никто и не думал её бросать, никто не думал сдаваться. Степан Ильич привык доводить начатое дело до конца, а жена ему во всём помогала. Возможно, из-за этого даже в последние перестроечные годы они не бедствовали. Завели много скота, расширили огород, пчёлами стали заниматься. На их острове народ подобрался непьющий, мирный, работающий. Никто без нужды не жаловался на жизнь, хотя лёгкой она никому не казалась.

Когда якорная цепь с шумом упала на песок, Степан Ильич облегчённо вздохнул: “Вот и всё. Сейчас можно машину вызывать”. Сел на какую-то полусгнившую лесину, вытер матерчатой кепкой потное лицо, и в это время увидел, что конец якорной цепи медленно отползает от него в сторону, оставляя глубокий след на отмели, заросшей белёсыми лопухами мать-мачехи. На какое-то время это движение показалось Степану Ильичу странным. Но немного погодя он решил, что цепь просто опускается на дно залива, залив-то не мелкий, в нём хорошие щуки водятся.

Потом они с женой выкапывали якорь. Работа шла медленно, зато якорь оказался огромным. Во время работы Степан Ильич вспомнил, что такие якоря раньше возили на плотах, чтобы сбрасывать с плота на крутых поворотах, если есть опасность, что плот сядет на мель. Плотогоны их называли лотами, но чем отличается лот от якоря, Степан Ильич никогда не знал...

Последний паром приходил на остров в шесть часов вечера, но приёмщик металла, которого почему-то все называли Колькой Безменом, приехал на остров в тот же день. Оценивающим взглядом посмотрел на якорь, который лежал на песчаной косе железным распятием, и признался, что такой красивой штуковины он никогда не видел. Потом достал из кузова газовый резак и приготовился разделять железную тушу якоря, чтобы удобнее было его перевозить. А когда всё было готово, подошёл к Степану Ильичу с добродушной улыбкой и хриплым голосом пояснил:

— Сейчас лето. Цены на металл упали. Больше трёх рублей за килограмм я дать не могу. Вы уж извините. Я не на себя работаю: на хозяина.

— А как же мы? — попробовала возмутиться жена Степана Ильича, — Мы за три рубля отдавать не будем! Нам это не выгодно. Нет...

— Я вас понимаю, — тем же тоном ответил Безмен, — но никто вам больше не даст, уверяю вас. Сейчас не сезон для высоких цен. Не сезон.

— Мы не согласны. Нет! — растерянно повторяла жена Степана, то и дело поглядывая на мужа своими детскими обиженными глазами. — Нет, мы не согласны.

Степан Ильич хотел было поддержать жену, он понимал, что приёмщик может дать больше, для него эта цена ничего не значит, но спорить с ним не стал, махнул на всё рукой. Да пусть везёт. Пусть лопнет от жадности. Не жили богато, и не стоит начинать.

Когда сборщик железа уехал, Степан Ильич и его жена ещё долго стояли возле реки. И каждый испытывал странное чувство разочарования, как будто они за этот день ничего не приобрели, только потеряли. И эта потеря какая-то роковая, незаслуженная, не оправданная ничем.

Ночью Степан Ильич спал плохо. В кровати ему было холодно. Тёплый бок жены его раздражал, раздражало её сонное спокойствие, ровное дыхание, едва уловимый, но нескончаемый храп.

В какой-то момент ему показалось, что на улице идёт сильный дождь, там всё шумит, движется, шелестит. Под утро ему померещилось, будто почва под домом немного просела и стала иногда пошевеливаться, что весь дом плывёт куда-то, плавно покачиваясь. И только крошечная тьма не позволяет понять, что же происходит там, за окном, на самом деле.

Когда совсем рассвело, Степан Ильич как-то очень поспешно встал с постели, нетвёрдым шагом подошёл к окну и с опаской взглянул на реку. То, что он увидел, в первый момент его поразило и обескуражило. Вода в реке за одну ночь настолько прибыла, что была сейчас вровень с берегами. Некрасивыми грязными бурунами она пронеслась мимо, увлекая за собой упавшие деревья, заборы и дрова. Вода была сейчас не на том привычном расстоянии, глубоко под берегом, а где-то совсем рядом: за калиткой в сад, за ветвями яблонь. И эта вода угрожающе шумела, волновалась, показывая свою неумную силу. Ощущение было такое, будто вода в реке уже не проносится мимо, не уплывает прочь, а медленно приближается и несёт неведомую скрытую опасность.

Степан Ильич привычно посмотрел на противоположный берег, и там тоже заметил нечто странное. На мгновение ему показалось, будто противоположный берег движется. А это означает только одно — что их остров плывёт... Степан Ильич испуганно посмотрел на жену. Ему захотелось её разбудить, но он почему-то передумал. Проснётся и сама увидит.

А между тем остров вместе с селом мутная вода относила всё дальше от того места, где он всегда находился. Покачивание пола усилилось, где-то в сених закрипели старые половицы. Глиняный горшок в чулане упал с полки и разбился вдребезги.

Всё ещё не веря своим глазам, преодолевая странное волнение, Степан Ильич вышел из дома на улицу, остановился на высоком крыльце, посмотрел на такой родной, с детства знакомый песчаный остров, который постепенно уходил под воду, и только сейчас понял, что этот остров похож на корабль. А корабль без якоря, как народ без веры, долго не устоит... Кто же знал, что этим якорем их остров крепится к вековым корням крестьянской жизни, к перекатам долготерпения, к синеватым водорослям тайных надежд на светлое будущее, на хороший урожай, на мудрость руководителей...

Сейчас ничего этого больше нет. Есть только ощущение оторванности да пьяное покачивание, которое рождает в душе чувство неприкаянности, неопределённости...

Если бы в то утро Степан Ильич умер во сне и не проснулся, то он бы умер самым несчастным на свете человеком, который познал некую страшную тайну, но никому не смог передать её пророческий смысл.

Уже через час Степан Ильич совершенно забыл о ночном кошмаре и, стоя перед окном в сад, ощупывая деньги в кармане пиджака, думал о том, как бы выудить из воды остатки якорной цепи. Ведь без якоря она не играет никакой роли, пусть даже самой мистической.